

# Разбитое зеркало



Наталья Ершова

Наталия Ершова  
**Разбитое зеркало**

«Автор»

2026

## **Ершова Н.**

Разбитое зеркало / Н. Ершова — «Автор», 2026

Анна просыпается в своей квартире и понимает: что-то не так. Часы, сломавшиеся два года назад, идут. Дверь не открывается. Отражения в зеркалах живут собственной жизнью, а по углам шепчутся тени.

Рациональная, спокойная, никогда не паникующая девушка оказывается заперта в ловушке собственного дома, где реальность плавится на глазах. Три дня ада. Три дня борьбы с тем, что нельзя объяснить. А потом выясняется: всё это было игрой. Съёмки шоу «Кривые зеркала», метод Станиславского, сценарий в тумбочке. Бабушка жива, родители в Дубае, Игорь ждет внизу с кофе. Но когда Анна выходит из душа, смывая с себя роль, на запотевшем зеркале появляется надпись: «Ты уверена?» А стена за окном начинает течь краской, обнажая фанеру и балки. Где заканчивается декорация и начинается реальность? И главное — кто на самом деле смотрит на неё из всех отражений?

© Ершова Н., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1 Потерянное равновесие.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

# Наталия Ершова

## Разбитое зеркало

### Глава 1 Потерянное равновесие.

Анна только проснулась, открыла глаза и сразу поняла: что-то не так.

Ощущение было смутным, почти навязчивым — как если бы она забыла что-то важное, но не могла вспомнить, что именно. Комната выглядела обычно: знакомый свет из окна, знакомые трещинки на потолке, старый ковер на стене. Но воздух был каким-то другим. Более легким, с нежным чуть уловимым ароматом ванили, что ли? Он был слишком прозрачным, будто у него не хватало той привычной пыльной тяжести, что всегда висит в старых квартирах. Анна приподнялась на локте и осмотрелась внимательнее. Квартира была двушкой в хрущевке, доставшейся от бабушки. Обои в мелкий цветочек в комнатах и в полоску в коридоре — бабушка считала, что это «расширяет пространство». Мебель старая, но крепкая: платяной шкаф с резными филенками, который невозможно передвинуть в одиночку, диван с деревянными подлокотниками, отполированными за десятилетия до блеска, книжный стеллаж во всю стену, где корешки книг выцвели до не читаемых оттенков. На полу — половики, которые бабушка называла «дорожками», тканые, с длинными ворсинками, собирающими всю пыль мира. В углу спальни — трюмо с тремя зеркалами, среднее из которых было чуть мутноватым, как лужица после дождя. Всё было на своих местах. Всё было привычным до мелочей. Анна знала этот запах — смесь старой древесины, книжной пыли и неуловимого бабушкиного духов «Красная Москва», который, казалось, вьелся в стены навсегда. Но сегодня от запаха чуть иным и от него кружилась голова. Или это не от запаха? Она села, опустила ноги на пол. Тапки стояли на своем месте — носками от кровати. Она помнила, что вчера ставила их именно так. Или не помнила? Странная пустота в голове, когда пытаешься ухватиться за вчерашний вечер: чай, книга, странный сон про бесконечный коридор с множеством дверей. Она помнила это. Но между сном и пробуждением была какая-то дыра. Не провал памяти, а именно дыра — пустое пространство, в котором ничего не происходило, но оно было. Оно длилось. Анна потрясла головой, сунула ноги в тапки и пошла на кухню варить кофе. Движение привычно успокаивало. На полпути она остановилась. Настенные часы в коридоре показывали восемь часов пятнадцать минут. Это было правильно — она всегда просыпалась минута в минуту, без будильника. Но часы тикали. Корпус был тот же — темный полированный деревянный круг с латунным ободком, — но стрелки, застывшие года два назад на без четверти три, теперь двигались. Секундная дергалась на цифре «девять» с удивительно отчетливым, почти издевательским щелчком. Тик. Тик. Тик. Анна перевела взгляд на пол. Дорожка лежала ровно, но ей показалось, что рисунок на ней — темно-бордовые ромбы по выцветшему фону — стал четче, будто кто-то прошёлся по нему свежей краской. — Странно, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, будто эхо прокатилось в ответ, с небольшой задержкой в звучание. Она прошла на кухню. Здесь было светлее — окно выходило во двор, и утреннее небо, затянутое ровной серой пеленой, заливало все ровным, без теневого светом. Кухня была маленькой, как и во всех хрущевках: газовая плита, раковина, узкий столик у окна, на подоконнике — герань в горшке. Бабушка любила герань. Анна ее не поливала уже неделю, но цветок выглядел свежим, даже слишком свежим — листья торчали упругими зелеными лопухами, будто их только что вымыли. Турка стояла на плите, банка с кофе — в шкафчике над раковиной. Анна открыла кран. Вода полилась привычно, но звук был другой — не журчащий, а какой-то глухой, будто она лилась не в раковину, а в вату. Анна подставила ладонь. Вода была холодной и нормально мокрой — ничего странного. Она зажгла газ. Конфорка загорелась ровным синим огнем, но

пламя не дрожало. Оно стояло как нарисованное. Анна поставила турку на огонь и подошла к окну. Двор был пуст. Ни вечно припаркованной красной «Матиза» соседа из двадцать третьей, ни бабушек на лавочке, ни мальчишки с мячом. Качели висели неподвижно. Лужи после вчерашнего дождя блестели, но на их поверхности не дрожало ни одной морщинки от ветра, хотя флюгер на крыше сарая внизу крутился. За спиной кофе начал подниматься шапкой. Анна машинально сняла турку, налила в чашку и сделала глоток. Кофе был без вкуса. Совсем. Не горький, не кислый, даже не горячий — просто теплая жидкость, отдающая чем-то металлическим. Как если бы пила из старой жестяной кружки, которую забыли помыть. Анна посмотрела на чашку — фарфоровая, белая, с золотым ободком — и поставила обратно на стол. В коридоре зазвонил телефон. Старый, проводной, который стоял на тумбочке у входа. Черный, тяжелый, с диском, который надо крутить пальцем. Анна его не отключала, но он молчал годами — все звонили на мобильный. Звонки были резким, каким-то злым. Анна пошла на звук. Трубка лежала на рычагах, но телефон надрылся. Она подняла трубку. — Алло? Тишина. Не гудки, не помехи — вакуумная пустота, от которой сразу заложило уши, будто в самолете при взлете. — Алло! — повторила она громче. На том конце что-то щелкнуло, и раздался звук, от которого Анна похолодела. Это был её собственный голос, но записанный, искаженный, с металлическим эхом, как на старой пленке, которую прокручивают слишком медленно: — ...Московское время восемь часов, пятнадцать минут ... Трубка выпала из рук, повисла на шнуре и закачалась маятником. Анна смотрела, как она раскачивается, ударяясь о тумбочку, и не могла пошевелиться. Внутри поднималась липкая, холодная волна — не страх даже, а что-то первобытное, от чего немеют пальцы. Она отступила на шаг, врезалась спиной в стену и вдруг поняла, что хочет уйти. Просто выйти. Открыть дверь, спуститься по лестнице, вдохнуть воздух двора, увидеть людей. Любых. Она рванула к входной двери, вцепилась в ручку, дернула вниз. И в ту же секунду пальцы провалились в пустоту. Ручка была — Анна чувствовала её металлическую прохладу, ощущала ребристую поверхность под подушечками пальцев, — а в следующее мгновение её не стало. Пальцы сжались в кулак, прочертив воздух, и в них не было ничего. Анна замерла, глядя на свою пустую ладонь. Ручка — старая, латунная, чуть стертая посередине — висела на месте. Анна снова протянула руку, медленно, боясь спугнуть. Коснулась. Металл был холодным. Твердым. Реальным. Она сжала пальцы — и снова они сомкнулись в пустоте, а ручка осталась висеть там же, на своем месте, насмешливо поблескивая. — Нет, — выдохнула Анна. — Нет-нет-нет. Она попыталась еще раз. И еще. Каждый раз одно и то же: мгновение контакта — и исчезновение, будто ее пальцы проходили сквозь мираж, будто материя на миг становилась призраком, чтобы тут же вернуться в прежнюю плотность. Анна не могла её удержать. Не могла даже толком ощутить — прикосновение длилось долю секунды, недостаточно, чтобы понять, холодная она или теплая, гладкая или шершавая. Ручка была. И её не было. Одновременно. Анна отшатнулась, прижимая ладони к груди. Дверь стояла глухой стеной. Обычная деревянная дверь, обитая снаружи коричневым дерматином, с круглым глазком на уровне лица. Анна посмотрела в глазок — там было темно, хотя на лестничной клетке всегда горел свет. — Спокойно, — сказала она вслух. Голос опять прозвучал глухо, будто из соседней комнаты. — Просто спокойно. Она отошла от двери на ватных ногах, прошла в гостиную, подошла к окну, выходящему во двор. Внизу по-прежнему никого не было. Качели чуть качнулись — хотя ветра не было. И тогда она заметила это. На подоконнике, в щели между рамой и стеклом, лежал дохлый шмель. Толстый, полосатый, с прозрачными крыльшками. Он лежал там уже несколько дней. Анна всё собиралась его убрать, но забывала. Она точно помнила, что вчера вечером шмель лежал головой к левому углу окна. Сейчас он лежал головой к правому. Анна зажмурилась, сильно, до разноцветных кругов, досчитала до пяти и открыла глаза. Шмель лежал головой к левому углу. Она выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Секундная стрелка на часах в коридоре снова дернулась. Часы пробили одну тонкую, стеклянную ноту — и затихли. Было восемь пятнадцать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.